A 219/987

2007081091

219/987

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА.

Т. Толычевой.

Второе изданіе Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобрено въ ученическія библіотеки, духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Складъ въ магазинѣ „Сотрудникъ Школъ“ А. К. Залѣсской.
МОСКВА.

УЧЕБНЫЯ и ДѢТСКІЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ФИРМОЮ

„СОТРУДНИКЪ ШКОЛЪ“.

Арнольдъ. Задачникъ для начинающихъ обучаться ариѳметикѣ дома и въ школѣ. 2-е изд. (совсѣмъ перед.) М. 1887 г., ц. 25 к.

Архангельской. — Какъ Христофоръ Колумбъ открылъ Америку М. 1896 г., ц. 25 к.

Аѳанасьевъ. Русскія дѣтскія сказки съ картинами Каразина. М. 1894 г., ц. 2 р.

Балталонъ. Пособіе для литерат. бесѣдъ и письмен. разбор., ц. 45 к.

Бобровскій. Сущность системы Фребеля и примѣненіе ея въ нѣкоторыхъ дѣтскихъ садахъ Германіи. М. 1872 г., ц. 50 к.

Веберъ. По немногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Разсказы для дѣтей. М. 1895 г., ц. 60 к.

Веберъ. Разсказы о фабрикахъ и заводахъ, для дѣтей. М. 1895 г., ц. 60 к.

Виноградовъ. Пособіе къ изученію правописанія и веденію диктанта, вып. I. М. 1887 г., ц. 35 к.

— То же, вып. II. М. 1888 г., ц. 40 к.

Гофманъ. Лазутчикъ. Разсказъ для дѣтей съ хромолитографическими картинами, въ красивой папкѣ. М. 1895 г., ц. 1 р. 50 к.

Деркачевъ. Школьныя ступени, годъ 1-й. Книга для чтенія въ начальной школѣ. Изд. 4-е, съ 200 рисунками. М. 1887 г., ц. 35 к.

— Школьныя ступени, годъ 2-й. Изданіе 5-е, съ рисунками. М. 1890 г., ц. 40 к.

Диккенсъ. Оливеръ Твистъ. Сокращ. для дѣтей Архангельской. М. 1896 г., ц. 65 к.

Евсѣенко. Курсъ полевой военно-ветер. хирург., съ рис. М. 1891 г., ц. 3 р.

Завьяловъ. Учебникъ элементарной логики и стилистики. М. 1889 г., ц. 60 к.

Залѣсскій. Цѣлесообразный путь къ уменьшенію военныхъ расходовъ. М. 1887 г., ц. 1 р. 50 к.

Коровикъ. Двѣ капельки. Разсказъ для дѣтей. М. 1890 г.

Корфъ. Наши педагогическіе вопросы. Т. I. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 к.

— То же, томъ II., вып. I. М. 1886 г., ц. 60 к.

Комаровъ (Стеновикъ). Общепонятные разсказы о полезн. и вредныхъ насѣкомыхъ, съ 46 рисунками. М. 1896 г., ц. 50 к.

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Т. Толычевой.

М.П.М.

Изданіе четвертое.

Допущено учен. Комитетами при Свят. Синодѣ и Мин. Нар. Просв. въ библіотеки начальныхъ народныхъ, духовныхъ и епархіальн. училищъ.

МОСКВА.
Складъ въ магазинѣ „Сотрудникъ Школъ" А. К. Залѣсской.
1896.

Прошло болѣе пятисотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы была заложена, во имя Св. Троицы, маленькая церковь никому неизвѣстнымъ, покрытымъ рубищемъ, пустынникомъ. А почиваетъ теперь тотъ пустынникъ въ серебряной ракѣ, среди великолѣпнаго храма, и изъ далекихъ, далекихъ странъ стекаются къ нему на поклоненіе нищій и богатый, простолюдинъ и вельможа, царь и крестьянинъ.

Есть что-то особенно трогательное въ этомъ великомъ человѣкѣ. Онъ былъ не завоеватель, не ученый, не художникъ, и одной нравственной силой успѣлъ покорить себѣ и современниковъ, и отдаленное потомство. Церковь причислила его къ лику святыхъ. Не наша доля писать о жизни Святого. Люди благочестивые оставили намъ чудныя повѣствованія о ней; но мы хотимъ ознакомить нашихъ читателей съ другой стороной его исторіи и разсказать о судьбахъ обители, основанной имъ, и о великихъ дѣлахъ, которыя въ ней совершились.

Звали его Варѳоломеемъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ смотрѣлъ на міръ какъ на пустыню, и пламенная душа его жаждала блаженства не земного. Онъ хотѣлъ искать его среди пустыни, въ вѣчномъ созерцаніи Божества, но престарѣлые родители умоляли его остаться при нихъ. Онъ уступилъ ихъ просьбамъ, остался и усладилъ своей любовью послѣдніе ихъ дни. Похоронивши ихъ, онъ посвятилъ сорокъ дней и сорокъ но-

чей своей печали и молитвѣ объ усопшихъ, а по прошествіи этого срока объявилъ, что отказывается отъ ихъ наслѣдства, и сталъ уговаривать брата своего Стефана, чтобъ онъ помогъ ему отыскать уединенное мѣсто, гдѣ бы могъ онъ удалиться отъ людей, построить церковь и жить въ бдѣніи и молитвѣ. Они пустились въ путь. Варѳоломей не взялъ съ собой ничего, кромѣ топора, да ни въ чемъ онъ и не нуждался: свое сокровище онъ несъ въ себѣ, и шелъ бодро и безъ страха по непроложеннымъ и неизвѣстнымъ дорогамъ. Не зналъ онъ еще, гдѣ придется ему воздвигнуть церковь, не зналъ и того, что черезъ столько вѣковъ, на то мѣсто, гдѣ онъ ее воздвигнетъ, будутъ стекаться ежегодно къ нему на поклоненіе болѣе восьмидесяти тысячъ богомольцевъ *).

Мѣсто, гдѣ выстроена Троицкая лавра, было тогда мѣстомъ дикимъ, глухимъ, безводнымъ. Поросло оно дремучимъ лѣсомъ, и не было въ немъ тропинки до жилья. Люди обходили его, и въ немъ бродили медвѣди. Оно полюбилось Варѳоломею, и оба брата рѣшились приступить къ постройкѣ церкви. Они помолились и принялись за дѣло. Въ первый разъ звукъ топора раздался въ глухомъ лѣсу, и подъ трудолюбивыми ихъ руками скоро воздвиглась маленькая, низенькая деревянная церковь; но какой храмъ слышалъ болѣе теплыя моленія? Благословеніемъ митрополита Ѳеогноста, она была освящена во имя Св. Троицы, и рядомъ съ нею братья построили для себя келейку.

Но недолго жилъ въ ней Стефанъ. Напуганный дикостію мѣста и трудностію добывать самую грубую пищу, онъ простился съ братомъ и ушелъ обратно въ монастырь, гдѣ принялъ уже постриженіе. Двадца-

---

*) Эта цифра относится лишь къ тѣмъ изъ богомольцевъ, которые пользуются у Троицы даровой квартирой и даровымъ обѣдомъ. Но прочихъ посѣтителей лавры можно считать также десятками тысячъ.

тидвухлѣтній Варѳоломей остался одинъ въ своей пустынѣ. Исполнились наконецъ долго лелѣянныя мечты: наступило время уединенія, молитвы, созерцанія. Кто прослѣдитъ за жизнью отшельника? Кто проникнетъ тайны молодой души? Кто повѣдаетъ намъ о минутахъ умиленія, страданія, восторга, пережитыхъ имъ? Не разъ грудь его потряслась отъ внутренней борьбы, и сердце забилось отъ страха. Не разъ въ темныя, долгія ночи ему мерещилось, что бродятъ между деревьями какія-то тѣни, и слышались ему странные звуки. Не походили они ни на голосъ человѣка, ни на шумъ вѣтра, ни на крикъ ночной птицы, ни на вой дикаго звѣря. Что-то страшное, что-то таинственное чудилось въ нихъ. Молодой отшельникъ прислушивался съ невольнымъ ужасомъ, потомъ творилъ крестное знаменіе и начиналъ опять прерванную молитву, и Богъ возвращалъ его душѣ миръ и тишину.

По тому чувству страха, которое тревожитъ обыкновенно людей, онъ былъ недоступенъ, и не бѣжалъ отъ лишеній, передъ которыми они робѣютъ. Онъ съ большимъ трудомъ добывалъ себѣ хлѣбъ, но и тѣмъ хлѣбомъ дѣлился. Разъ увидѣлъ онъ медвѣдя у порога своей келіи, но не тронулъ его дикій звѣрь, и онъ не убоялся дикаго звѣря, а вынесъ ему кусокъ хлѣба и положилъ на пень. Медвѣдь съѣлъ и не замедлилъ возвратиться къ гостепріимному крову. Онъ привязался къ Варѳоломею, который съ нимъ постоянно дѣлился хлѣбомъ, а иногда и отдавалъ ему весь свой запасъ, а самъ оставался безъ пищи.

Не видать изъ лѣтописи, кто совершалъ богослуженіе въ церкви, воздвигнутой святымъ пустынникомъ. Надо полагать, что для этого приходилъ иногда священникъ изъ сосѣдняго села или изъ Хатьковскаго монастыря. Такъ прожилъ Варѳоломей цѣлыхъ два года. До тѣхъ поръ онъ не дерзалъ произнести обѣта

монашества, не полагался на свои духовныя силы; но вѣра его окрѣпла въ уединеніи и въ строгихъ испытаніяхъ, и онъ рѣшился посвятить безвозвратно Богу всю свою жизнь. Онъ призвалъ нѣкоего игумена Митрофана, говоритъ лѣтопись, принялъ отъ него постриженіе и былъ нарѣченъ Сергіемъ. Подъ этимъ именемъ оставилъ онъ по себѣ вѣчную память.

Новопостриженный инокъ остался въ своей пустынѣ, но его уединеніе скоро было нарушено. Къ нему начали приходить люди, желающіе также оставить міръ и посвятить себя пустынной жизни. Когда набралось ихъ до двѣнадцати человѣкъ, и построили они себѣ келіи, то признали необходимость подчиниться извѣстнымъ правиламъ и избрать между собой игумена. Всѣ единодушно назвали Сергія, и стали просить его, чтобъ онъ принялъ начальство надъ ними. „Отче, говорили они, не можемъ жить безъ игумена, желаемъ, чтобъ ты былъ намъ игуменъ и наставникъ душамъ и тѣламъ нашимъ, желаемъ приходить къ тебѣ съ покаяніемъ, открывать грѣхи наши передъ тобою и принимать отъ тебя прощеніе, желаемъ, чтобъ ты совершалъ Св. Литургію, и чтобъ мы отъ честныхъ рукъ твоихъ пріобщались Св. Таинъ“.

Смутилась смиренная душа Сергія. „Не мнѣ учить, а мнѣ учиться“, говорилъ онъ, и просилъ ихъ, чтобъ они дозволили ему не начальствовать надъ ними, а плакать о грѣхахъ своихъ. Но они настаивали: „Если ты откажешься принять игуменство надъ нами“, сказали они, „мы нарушимъ нашу клятву, уйдемъ отсюда, и ты дашь за насъ отвѣтъ передъ Богомъ“.

Эти слова напугали Сергія и убѣдили его. Онъ взялъ съ собой двухъ старцевъ, и поѣхалъ въ Переяславль-Залѣсскій, гдѣ епископъ Аѳанасій посвятилъ его пресвитеромъ и поставилъ игуменомъ надъ двѣнадцатью иноками. Вотъ образованіе Троице-Сергіева монастыря.

Но, принявъ начальство вопреки своей волѣ, Сергій постановилъ правила новой братіи, и требовалъ самаго точнаго ихъ исполненія. На обѣтъ монашества онъ смотрѣлъ строго: жизнь, посвященная Богу, была отдана Ему вполнѣ, и не удѣляла уже ничего мірской суетѣ или страстямъ человѣческимъ. Онъ запретилъ инокамъ выходить за монастырскія ворота, и приказалъ, чтобъ весь день былъ посвященъ труду или молитвѣ. Послѣ вечерней службы въ церкви, каждый уходилъ къ себѣ, принявъ благословеніе игумена и молился или занимался рукодѣліемъ. Въ стѣнахъ обители должны были раздаваться лишь стукъ рабочихъ орудій или божественные напѣвы. Сергій, отпустивъ братію и совершивъ молитву, обходилъ ночью рядъ убогихъ келій и останавливался передъ окнами, гдѣ свѣтился еще огонекъ; если велась между двумя иноками праздная бесѣда, онъ стучалъ въ окно, чтобъ напомнить имъ о часѣ отдыха, труда или молитвы, и уходилъ къ себѣ, а на другой день выговаривалъ имъ кротко за нарушеніе монастырскихъ правилъ.

Самъ же онъ подавалъ строгій примѣръ дѣятельной и духовной жизни. Онъ носилъ платье, покинутое уже другими, совершалъ каждый день литургію, и исполнялъ для братіи всѣ домашнія работы: рубилъ дрова, копалъ въ огородѣ, мололъ на жерновахъ, пекъ хлѣбъ и просфоры, дѣлалъ свѣчи, шилъ одежду и обувь, готовилъ пищу и носилъ воду. Но не для одной братіи трудился онъ: до сихъ поръ еще, богомолецъ, пришедшій изъ дальнихъ странъ съ костылемъ въ рукѣ и котомкой за плечами поклониться Его святымъ мощамъ, отдыхаетъ у подножія горы, гдѣ стоитъ св. обитель, *иже на Маковцѣ* *), по древнему выраженію, и утоляетъ жажду у колодца, вырытаго руками Сергія.

---

*) Это выраженіе объясняется положеніемъ монастыря: онъ стоитъ на горѣ, округленной съ трехъ сторонъ.

Братія содержалась собственнымъ трудомъ и приношеніемъ усердныхъ, но терпѣла часто нужду, и монастырскія средства были вообще крайне скудны. Случалось, что неоткуда было достать свѣчей для богослуженія, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Троицкій соборъ, гдѣ сіяютъ золото и драгоцѣнные камни и горятъ несчетныя свѣчи, гдѣ священники служатъ въ великолѣпныхъ ризахъ, и густыя толпы народа тѣснятся около раки основателя обители, преподобный Сергій, въ маленькой, низенькой деревянной церкви, окруженный двѣнадцатью учениками, совершалъ литургію. Не безчисленные огни освѣщали храмъ, а горѣла въ немъ лучина; не изъ золотого сосуда пріобщалась братія, а изъ простой деревянной чаши; не въ драгоцѣнныя одѣянія былъ облеченъ святый игуменъ, а въ бѣдную, изъ грубой ткани ризу, въ ту самую ризу, которая хранится теперь среди сокровищъ лавры. И такъ горяча была молитва, такъ проникались сердца иноковъ духомъ Божіимъ, что, въ глазахъ иныхъ, небесный огонь пылалъ надъ деревянной чашей, которую держалъ въ рукахъ учитель.

Но стала прибывать братія, и монастырь сталъ богатѣть отъ вкладовъ усердныхъ. Тогда преподобный Сергій ввелъ въ обитель страннопріимство, подаяніе просящимъ и питаніе нищихъ, и завѣщалъ, чтобы и послѣ его смерти Троицкій монастырь не отказывалъ никому въ помощи, и до сихъ поръ его завѣщаніе свято исполняется, до сихъ поръ въ обители Сергія есть готовая трапеза и готовый кровъ для нищихъ и для странниковъ.

Онъ пребывалъ день въ трудѣ, а ночь, стоя на колѣняхъ, онъ плакалъ передъ Богомъ и молилъ Его, чтобъ благословилъ Онъ юный вертоградъ и чтобъ *процвѣла пустыня яко кринъ* *). Среди горячей мо-

*) Кринъ, значитъ цвѣтокъ, называемый лилія.

литвы онъ слышалъ, какъ неземной голосъ отвѣчалъ на его голосъ и возвѣщалъ, что Богъ услышалъ его, что не оскудѣетъ его обитель и умножится братія, какъ птицы небесныя, или видѣлъ, какъ Пречистая Дѣва являлась передъ нимъ, окруженная небеснымъ сіяніемъ. Она обращала къ нему свѣтлый взоръ, называла его своимъ избранникомъ, и обѣщала взять его обитель подъ свой покровъ.

Прошли десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Сергій поселился въ пустынѣ. Отдалъ онъ Богу всю свою молодость, отдалъ ему и всю старость. Распространился далеко слухъ о его благочестіи, и обитель его стала повсюду извѣстна, проложены къ ней были дороги. Многіе иноки оставляли свои монастыри и переселялись къ Троицѣ. Приходили толпы народа, чтобъ только взглянуть на святого старца и принять его благословеніе. Къ нему пріѣзжали часто Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ и князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, бесѣдовали съ нимъ о дѣлахъ правленія, и принимали его совѣты. Онъ же былъ воспреемникомъ отъ купели дѣтей великокняжескихъ. Митрополитъ Алексѣй, обремененный дѣлами, находилъ время его навѣщать. Чувствуя приближеніе смерти, онъ пожелалъ назначить его своимъ преемникомъ; но Сергій умолялъ архипастыря уволить его отъ подобныхъ почестей: „Выше моея мѣры еже глаголеши, владыко“, говорилъ онъ, и отклонилъ отъ себя избраніе.

Когда въ 1380 г. Мамай двинулъ татарскую рать на Россію, Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ упалъ духомъ, и долго не рѣшался выставить войска противъ татаръ. Мучимый сомнѣніемъ, державный властелинъ обратился къ бѣдному иноку. Онъ поѣхалъ къ Троицѣ съ князьями и воеводами, и, преклонивъ колѣно передъ Сергіемъ, сказалъ: „Святый отецъ, повелишь-ли мнѣ итти противъ безбожныхъ татаръ?“ — „Подобаетъ тебѣ, государь“, отвѣчалъ ему старецъ,

„пещись о странѣ, что Богъ тебѣ вручилъ. Иди противъ безбожныхъ, и Господь поможетъ тебѣ побѣдить, и ты возвратишься невредимъ и съ великой славой". Успокоился духомъ Великій Князь и сказалъ: „Если поможетъ мнѣ Богъ, отче, я поставлю монастырь во имя Пречистой Дѣвы". Сергій благословилъ его и пришедшихъ съ нимъ воеводъ, приказалъ двумъ изъ своихъ иноковъ, Пересвѣту и Ослябѣ, оставить монашескую рясу и сопутствовать Великому Князю, потомъ отслужилъ молебенъ съ водосвятіемъ, угостилъ всѣхъ монастырской трапезой, и отпустилъ обратно въ Москву.

Дмитрій, собравъ войско, выступилъ въ походъ и встрѣтилъ татаръ на Дону. Сердце его смутилось опять, когда онъ увидалъ ихъ несмѣтную рать, смутилось съ нимъ и все его войско. Стояли они передъ станомъ вражьимъ съ тоской и печалью, но вдругъ пришелъ въ русскій лагерь посолъ отъ Сергія. Старецъ посылалъ свое благословеніе всему православному воинству и писалъ Великому Князю: „Государь, иди безъ сомнѣнія и съ дерзновеніемъ противъ враговъ. Не страшитесь, вамъ поможетъ Богъ".

Дмитрій повѣдалъ войску о полученномъ письмѣ. Всѣ перекрестились: имя Сергія одушевляло ихъ бодростью. „Помоги намъ, Господи", сказалъ Великій Князь, и выдвинулъ рать на враговъ. Бой закипѣлъ.

Въ окрестностяхъ Куликова поля не забыли до сихъ поръ о побѣдѣ, одержанной русскимъ войскомъ надъ Мамаемъ. Воображеніе народа украсило ее поэтической легендой. Разсказываютъ, что Дмитрій, увидавъ безсчетные ряды татаръ, сталъ на колѣни и молилъ Бога защитить его отъ враговъ, и во время его молитвы выросла дубрава, которая служила его воинамъ спасительнымъ укрѣпленіемъ. Разсказываютъ еще, что земля дрожала отъ ударовъ и стонала, какъ живая, что обагряла ее горячая кровь, и отъ потоковъ крови помутились даже волны донскія.

А въ то самое время, во храмѣ Св. Троицы, Сергій, преклонивъ со слезами передъ образомъ Пречистой Дѣвы свою сѣдую голову, молилъ Ее защитить отъ враговъ христіанское войско и принять съ миромъ духъ всѣхъ падшихъ на полѣ брани *).

Куликовская побѣда обогатила Троицкій монастырь. Дмитрій, по возвращеніи изъ похода, навѣстилъ, на радости, святого старца, какъ навѣщалъ его въ горѣ. Онъ благодарилъ за ихъ молитвы Сергія и всю братію, роздалъ богатую милостыню и даровалъ обители двѣнадцать селъ. По своему обѣщанію, онъ просилъ Сергія заложить недалеко отъ Троицы монастырь Божіей Матери. Было выбрано удобное мѣсто на рѣкѣ Дубенкѣ, и игуменомъ новой обители назначенъ одинъ изъ иноковъ троицкой братіи.

Въ 1365 году Сергій, по просьбѣ Великаго Князя и митрополита Алексѣя, ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ, чтобъ примирить князя Нижегородскаго съ братомъ его Борисомъ. Двадцать лѣтъ спустя, между самимъ Великимъ Княземъ и Олегомъ Рязанскимъ возникла новая распря, и, при упорномъ и неуступчивомъ нравѣ Олега, могла навлечь на Россію бѣдствія междоусобной войны. Дмитрій, истощивъ всѣ мѣры, чтобъ рѣшить миролюбиво вопросъ, обратился опять къ Сергію и просилъ его съѣздить въ Рязань, въ качествѣ посредника между нимъ и Олегомъ. Семидесятилѣтній старецъ покинулъ свое дорогое уединеніе; онъ благословилъ братію, поклонился своей убогой церкви и предпринялъ трудное и далекое путешествіе, во имя мира и любви. Не устоялъ Олегъ противъ кроткой его рѣчи и смиренныхъ моленій: онъ сдался, онъ покорил-

---

*) Съ тѣхъ поръ учреждена у насъ родительская суббота (поминовеніе всѣхъ усопшихъ), извѣстная нынѣ подъ именемъ Дмитріевой субботы. Поминовеніе справляютъ въ первую субботу послѣ Дмитріева дня (26 октября).

ся безусловно вліянію Сергія и заключилъ вѣчный миръ съ Москвой.

Сергію суждено было принять еще участіе въ важномъ для Россіи вопросѣ. Князь Дмитрій Іоанновичъ, чувствуя приближеніе смерти, вызвалъ его въ Москву. Старецъ былъ столько лѣтъ его другомъ и наставникомъ, что Великій Князь не рѣшался, безъ его совѣта и руководства, приступить къ духовному завѣщанію. Это завѣщаніе имѣло великое вліяніе на судьбу Россіи: оно опредѣлило, въ первый разъ, порядокъ наслѣдованія престола послѣ отца сыну. Хотя нововведеніе и не было утверждено закономъ, оно было, съ той минуты, укрѣплено обычаемъ, и спасло, вѣроятно, Россію отъ многихъ бѣдъ.

Сергій былъ свидѣтелемъ кончины Дмитрія и проводилъ его до послѣдняго жилища. Уже многихъ своихъ друзей, многихъ возлюбленныхъ учениковъ оплакивалъ онъ въ продолженіе своей долгой жизни. Теперь оставалась за нимъ очередь предстать передъ Богомъ. За полгода до своей кончины, онъ говорилъ братіямъ, что недолго останется уже между ними, назначилъ Никона, любимаго изъ нихъ, игуменомъ обители, и самъ пребывалъ въ безмолвіи. Силы его, сокрушенныя годами и трудовой жизнью, недолго боролись съ недугомъ. Онъ тяжко страдалъ, но переносилъ страданія бодро и смиренно. Въ послѣднія минуты своей жизни онъ призвалъ учениковъ, прощался съ ними, завѣщалъ имъ жить въ мирѣ и любви и не забывать страннопріимства, и пожелалъ пріобщиться. Болѣзнь до такой степени истощила остатокъ его силъ, что ученики поддерживали его на рукахъ, когда Никонъ приблизился къ нему съ Св. Дарами. Онъ принялъ ихъ, и 25-го сентября 1392 года скончался, какъ жилъ, съ словомъ любви и съ молитвой на устахъ. Ученики окружили его съ горемъ и слезами, какъ дѣти окружаютъ умершаго отца, и цѣловали руки и ноги. Никонъ положилъ его тѣло въ дубовый гробъ, со-

вершилъ отпѣваніе, и похоронилъ его въ церкви, имъ сооруженной, въ церкви, которая слышала его горячія моленія въ продолженіе 55 лѣтъ.

Никонъ оставался недолго игуменомъ Троицкой братіи. Онъ любилъ безмолвіе, и обязанности начальника тяготили его. Можетъ быть и горько ему было принять наслѣдіе отца своего и занять мѣсто, упраздненное имъ, когда воспоминанія о немъ были еще такъ свѣжи, такъ горьки. Какъ бы то ни было, онъ передалъ игуменство Саввѣ, другому изъ учениковъ Сергія, а самъ отошелъ на безмолвіе. Но Савва, послѣ шестилѣтняго правленія, былъ вызванъ въ Звенигородъ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, и братія умоляла Никона исполнить желаніе святого старца и принять начальство. Никонъ согласился.

Но игуменство его было ознаменовано грустнымъ событіемъ. Полчища татаръ, подъ начальствомъ Едигея, разорили Москву, ограбили и сожгли окрестныя селенія. Иноки Троицкаго монастыря должны были покинуть свои келіи, и разошлись въ разныя стороны, чтобъ искать себѣ убѣжища. Какъ только удалились враги, разсѣянная братія возвратилась на мѣсто своего жилища, какъ птицы послѣ бури возвращаются въ родимое гнѣздо: но не осталось и слѣдовъ отъ гнѣзда. Гдѣ святая обитель? Гдѣ убогая келейка отца ихъ Сергія? Гдѣ смиренная церковь, сооруженная его руками? Лежали однѣ груды пепла и стояли обгорѣлые столбы. Съ тоской въ сердцѣ и со слезами на глазахъ смотрѣла братія на разоренное ихъ убѣжище, и бродила среди развалинъ, какъ безпріютное стадо. Но недолго предавались они безплодному горю: они вѣрили, что не запустѣетъ мѣсто, освященное молитвами Сергія, знали, что Пречистая Дѣва обѣщала ему взять его обитель подъ свой покровъ. Они ободрились, призвали милость Божію на свой трудъ, и приступили къ построенію другого монастыря. Работа подвигалась живо: черезъ три года храмъ былъ освященъ, и ино-

в 1408 году

ки размѣстились попрежнему, въ новыхъ келіяхъ, по благословенію Никона.

Прошло уже тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Никонъ былъ посвященъ въ игумены Троицкой обители умирающимъ Сергіемъ. Онъ не переставалъ до старости оплакивать отца своего и наставника, но не задолго передъ смертью онъ видѣлъ славу возлюбленнаго учителя. Епифаній, троицкій инокъ, ученикъ Сергія и первый повѣствователь житія его, заслуживший, по своему благочестію, санъ духовнаго отца братій и по своему просвѣщенію наименованіе *премудрѣйшаго*, разсказываетъ, какъ Никонъ обрѣлъ и изнесъ 5-го іюля 1422 года изъ земли мощи Сергія, при многочисленномъ народѣ. Послушаемъ самого повѣствователя:

„И егда священный соборъ открыша чудотворный гробъ, вкупѣ благоуханія и ароматъ духовныхъ исполнишася. И видѣша чудное зрѣніе и умиленія достойно, яко не токмо честное святаго тѣла цѣло и свѣтло и соблюдеся, но и одежда его, въ ней же погребенъ бысть, цѣла бяше, всякому тлѣнію ни какоже сопричастна: и вода отъ обою страну ковчега стояше видима, тѣлесе же святаго, ни ризъ его никакоже прикасаема. И видѣвше вси, прославиша Бога, иже толикими лѣты сущу во гробѣ тѣлу святаго соблюдену быти благоволи“.

Никонъ вынулъ его тѣло изъ гроба, въ который опустилъ самъ со слезами и рыданіемъ, и положилъ въ великолѣпную раку. Надъ нею онъ соорудилъ въ короткое время и освятилъ во имя Св. Троицы тотъ храмъ, въ который стекаются до сихъ поръ толпы богомольцевъ. Цѣль его жизни была выполнена: онъ воздвигнулъ во славу учителя своего „церковь прекрасну“. По словамъ лѣтописи, завѣщалъ имя его потомству, и встрѣтилъ смерть со свѣтлымъ челомъ. Послѣдняя мысль его была обращена къ Сергію: „Отнесите мя прочее во оно свѣтлое жилище, еже уготовиша ми отца

моего молитвы", сказалъ онъ, умирая окружающей его братія.

Онъ скончался въ 1428 году, тридцать шесть лѣтъ послѣ Сергія, и похороненъ рядомъ съ его могилой. Онъ причисленъ также къ лику святыхъ, и надъ его гробницей воздвигнута церковь, посвященная его имени.

Послѣ смерти преподобнаго Сергія, въ продолженіе многихъ лѣтъ, обитель увеличивалась, украшалась и богатѣла. Братія отличалась строгостью жизни, благочестіемъ и гостепріимствомъ. Обычаи, введенные Сергіемъ, были соблюдаемы съ должною строгостью. Игумены были наставниками и отцами иноковъ. Не прельщались они мірскимъ величіемъ, боялись лишь Бога и своей совѣсти, и уличали неправду, гдѣ бы она ни скрывалась. Троицкая обитель можетъ назвать съ гордостью многія имена, вписанныя въ ея лѣтописяхъ. Укажемъ, между прочимъ, на преподобнаго Мартіана. Онъ принялъ игуменство при Василіи Темномъ, который питалъ къ нему глубокое уваженіе и избралъ его своимъ духовнымъ отцомъ. Отъ Великаго Князя отложился одинъ изъ его бояръ и отошелъ къ князю Тверскому. Василій обратился къ игумену Троицкаго монастыря съ просьбой уговорить покинувшаго боярина возвратиться въ Москву, гдѣ онъ будетъ принятъ съ милостію и почетомъ. Мартіанъ исполнилъ удачно порученіе, но скоро узналъ, что виновный, по возвращеніи своемъ къ прежнему государю, былъ заключенъ въ оковы. Онъ поѣхалъ немедленно въ Москву, строго упрекалъ Василія за нарушеніе княжескаго слова, и сказалъ ему: „Не буди мое, грѣшнаго, благословеніе на тебѣ и на твоемъ Великомъ Княженіи". Устыженный Василій даровалъ свободу и прощеніе опальному и пошелъ къ Троицѣ для примиренія съ своимъ духовнымъ отцомъ. Мартіанъ, въ сопровожденіи всей братіи, встрѣтилъ его за монастырской стѣной и принялъ его съ любовію.

Укажемъ еще на старца Порфирія, который былъ вызванъ на игуменство изъ Бѣлозерской пустыни Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ. Василій, руководимый несправедливою злобой, содержалъ около двухъ лѣтъ въ заточеніи князя Путивльскаго; Порфирій, дождавшись пріѣзда Великаго Князя къ Троицѣ, умолялъ его возвратить свободу несчастному. „Если ты пріѣхалъ въ обитель Сергія, чтобы испросить прощеніе грѣховъ своихъ, то будь напередъ самъ милосердъ къ гонимымъ безъ правды“, говорилъ онъ. Эти слова возбудили лишь гнѣвъ князя. Онъ удалилъ игумена изъ монастыря, а потомъ заключилъ въ темницу. Порфирій имѣлъ случай спастись бѣгствомъ, но его сторожъ, на которомъ лежала отвѣтственность за узника, пришелъ въ отчаяніе и готовъ былъ наложить на себя руки. Старецъ взглянулъ на него и остался добровольно въ темницѣ. Великій князь, тронутый великодушіемъ Порфирія, возвратилъ ему свободу, но, къ стыду своему, не возвратилъ игуменства.

Имя Сергіевой обители было окружено такимъ глубокимъ и общимъ уваженіемъ, ея игумены были такъ извѣстны святостью своей жизни, что великіе князья наши и цари являлись къ Троицѣ при каждомъ важномъ событіи въ ихъ правленіи или въ семейной ихъ жизни, искали здѣсь убѣжища отъ враговъ, и въ годовщину преставленія Сергія приходили обыкновенно пѣшкомъ, на поклоненіе его мощамъ.

Несмотря на рѣдкія, впрочемъ, проявленія произвола, отъ которыхъ страдали игумены, они выбирали ихъ, какъ нѣкогда Сергія, воспріемниками отъ купели своихъ дѣтей и пользовались не разъ ихъ совѣтами.

При царѣ Іоаннѣ Грозномъ настоятели монастыря мѣнялись часто по произволу царя. Онъ былъ постоянно недоволенъ и ими, и вообще братіею, какъ былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми. Но и самъ Грозный, напуганный казнями, которыми тѣшился наканунѣ какъ пиромъ, молившійся испуганнымъ голосомъ о своихъ

жертвахъ, мучимый какимъ-то неяснымъ страхомъ, искалъ часто успокоенія у раки, гдѣ почиваетъ Сергій, и просилъ у старцевъ обители ихъ благословенія и теплыхъ моленій за грѣшную свою душу. Незадолго передъ смертью онъ оплакивалъ у Троицы кончину сына, погибшаго отъ его руки, при чемъ повелѣлъ поминать царевича, докуда будетъ стоять святая обитель.

Но настала для Россіи година горя; наступилъ 1605 годъ. Смерть царя Бориса предала престолъ Отрепьеву, а нашу родину мятежамъ. Шуйскій низвергъ самозванца, но не могъ сокрушить внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; они опирались другъ на друга и довели Россію до края совершенной погибели. Москва была въ осадѣ, царскій дворъ пустѣлъ: всѣ спѣшили стать подъ знамена новаго самозванца; онъ укрѣплялся съ каждымъ днемъ въ Тушинѣ, и поляки притѣсняли вездѣ народъ. Тридцать тысячъ войска, присланнаго королемъ Сигизмундомъ, подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго, двинулись къ Троицѣ. Ихъ прельщали здѣсь не одни накопленныя вѣками сокровища. Троица по своему мѣстоположенію стояла на пути къ Москвѣ отъ сѣверныхъ и восточныхъ городовъ; и кромѣ того истинно русское народное дѣло находило сильную опору въ монастырской братіи, которая поддерживала своимъ вліяніемъ усилія царскихъ приверженцевъ. Непріятели жгли окрестныя села, и несчастные жители, лишенные крова, искали убѣжища въ обители; братія и архимандритъ *) Іоасафъ принимали ихъ съ любовью. Хлѣбнымъ запасомъ монастырь былъ богатъ, но бѣденъ укрѣпленіями, и царь Василій Шуйскій, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, могъ прислать лишь ограниченное число военныхъ людей къ Троицѣ.

*) Въ 1561 году игумены Троицкаго монастыря были возведены въ санъ архимандритовъ.

Всѣхъ его защитниковъ, включительно съ братіей, считалось не болѣе 2,500 человѣкъ.

23-го сентября 1608 года польское войско расположилось лагеремъ около Дмитріевской дороги, гдѣ до сихъ поръ еще можно видѣть окопы его стана. Въ это самое время готовились праздновать Сергіевъ день. Не съ радостію, не съ обычнымъ торжествомъ встрѣтили его, между тѣмъ какъ сила вражія стояла подъ стѣнами, и долетали уже въ монастырь ядра польскихъ пушекъ, но и духомъ не упали защитники Троицы, не дрогнули ихъ сердца передъ врагами. Воеводы наши: князь Григорій Борисовичъ Долгорукій-Роща и Алексѣй Ивановичъ Голохвастовъ, архимандритъ, иноки, воины, простолюдины и дворяне, всѣ собрались, какъ дѣти одной семьи, около раки Сергія и клялись предъ нимъ, что лягутъ головами за его святую обитель, а не выдадутъ ее, цѣловали въ томъ крестъ, и приготовились къ оборонѣ.

Однако поляки и присоединившіеся къ нимъ русскіе измѣнники, разсчитывая на свои силы, думали овладѣть безъ боя Троицей, которую называли презрительно *лукошкой* и *вороньимъ гнѣздомъ*, и вожди ихъ прислали архимандриту и нашимъ воеводамъ грамоту, въ которой увѣщевали ихъ отложиться отъ царя Василья и признать законнымъ государемъ Тушинскаго самозванца, который обѣщалъ имъ богатые дары и большой почетъ. „Аще ли же и сему не покоритеся милости нашей и ласкѣ“,—писали они,—„и не сдадите намъ града, а дастъ Богъ возьмемъ его, то ни единъ отъ васъ во градѣ милости отъ насъ не узритъ, но умретъ злѣ“.

Архимандритъ и воеводы держали совѣтъ съ иноками и ратными людьми, и отвѣчали, что признаютъ законнымъ государемъ лишь избраннаго народомъ царя Василія, и останутся ему вѣрны, что за богатство всего міра не солгутъ они своему крестному цѣлованію и не

выдадутъ Святой Обители, и что даже малыя дѣти посмѣялись грамотѣ, подписанной польскими вождями.

Въ отвѣтъ на это посланіе загремѣли 63 пушки. Полетѣли ядра со всѣхъ сторонъ, задрожали башни и стѣны монастырскія. Дни и ночи продолжалась пальба. Кромѣ того Сапѣга выступалъ не разъ изъ таборовъ, и велъ свои полки на приступъ. Но русскіе воины не унывали: „Надежда наша Святая Троица, защита и Покровъ Пречистая Дѣва, а помощники наши и отцы Сергій и Никонъ", говорили они. Кто былъ лишь въ силахъ поднять оружіе, тотъ шелъ на защиту обители. Иноки сражались рядомъ съ воинами, сынъ стоялъ въ однихъ рядахъ съ отцомъ, по ночамъ женщины выходили на стражу. Осажденные кипятили варъ, сѣру, смолу, и заливали враговъ съ высоты стѣнъ, или кидали въ нихъ камнями. Когда утомленные поляки отступали къ своему лагерю, наши дѣлали вылазки, гнались за ними, брали ихъ въ плѣнъ, отбивали у нихъ осадныя орудія и уносили своихъ мертвыхъ и раненыхъ. А между тѣмъ архимандритъ Іоасафъ, окруженный старцами, женами и дѣтьми, приносилъ во храмѣ горячую молитву. „Помоги намъ Господи, всѣ погибаемъ", говорилъ онъ, „не остави насъ".

Были разбиты двѣ польскія роты и захвачено много плѣнниковъ. Ихъ допрашивали, и одинъ изъ нихъ показалъ, что непріятельскіе вожди, ожесточенные неудачей, поклялись не отступать, пока не овладѣютъ монастыремъ, что, овладѣвши имъ, разорятъ его до основанія и предадутъ его защитниковъ мучительной смерти. Онъ показалъ еще, что ведутъ подкопъ подъ Троицкія стѣны, но направленіе подкопа было ему неизвѣстно. Тогда воеводы приказали копать глубокій ровъ около монастыря, но поляки нападали на рабочихъ. Бой слѣдовалъ за боемъ, и наши воины то отбивали враговъ, то падали подъ ихъ ударами. Несмотря на всѣ усилія, подкопа открыть не удалось, и всѣ при-

шли въ глубокое горе. Съ каждой минутой ждали взрыва: гибель была неминуема. Храмъ не пустѣлъ: всѣ исповѣдовались, пріобщались и готовились къ смерти. Иноки обходили обитель и увѣщевали братію и воинство: „Братія и воины“, говорили они, „пришелъ часъ прославить Бога и отца нашего Сергія. Мужайтесь и крѣпитесь. Кто нынѣ погибнетъ, тотъ будетъ мученикомъ передъ Богомъ“.

Всѣ молились. Обходили монастырь крестнымъ ходомъ. „Надежда наша Св. Троица, а помощникъ отецъ нашъ Сергій“, повторяли осажденные. И Сергій явился ихъ помощникомъ: безчисленныя видѣнія поддерживали ихъ бодрость. Архимандритъ обрадовалъ братію и воинство трогательнихъ разсказомъ: видѣлъ онъ во снѣ святого старца на колѣняхъ передъ образомъ Живоначальной Троицы. Онъ молился и плакалъ, онъ плакалъ о сынахъ своихъ и о своей обители. Взглянувъ на Іоасафа, онъ молвилъ: „Возстаньте, братія, пришло время пѣнію и часъ молитвы; бдите и молитесь, и Господь васъ помилуетъ“. И братія бдѣла, молилась и уповала на Господа.

Наступилъ Михаиловъ день. Продолжалась пальба и сливалась съ праздничнымъ колокольнымъ звономъ. Братія спѣшила въ храмъ, въ числѣ другихъ шелъ къ обѣднѣ старый монахъ Корнилій; ядро оторвало у него ногу; онъ упалъ. Иноки его окружили, подняли и внесли въ церковь. Страдалецъ пожелалъ пріобщиться, и сказалъ умирающимъ уже голосомъ: „Отомститъ Господь за кровь православныхъ“, и испустилъ духъ. Въ тотъ же день, во время вечерни, ядро прошибло окно въ алтарѣ и образъ архангела Михаила. Народъ зарыдалъ. Пронесся свистъ другого ядра, оно пробило чугунную дверь, около самыхъ мощей, и образъ святителя Николая. Новый стонъ раздался въ храмѣ, и замедлилось отъ плача клиросное пѣніе. Однако богослуженіе продолжалось, дрожащіе голоса пѣли сти-

хиры. Престарѣлый архимандритъ Іоасафъ стоялъ въ алтарѣ; горе сокрушило его сердце, а долгое стояніе и ночныя бдѣнія утомили его; онъ задремалъ. Архангелъ Михаилъ явился ему во снѣ; ликъ его сіялъ, и онъ обратилъ гнѣвную рѣчь къ врагамъ Св. Обители. Іоасафъ слышалъ его грозныя слова, и когда раздраженный Михаилъ скрылся отъ его глазъ, онъ проснулся, вышелъ изъ алтаря, и повѣдалъ народу о своемъ новомъ видѣніи. Народъ отвѣчалъ слезами. Іоасафъ облекся въ священныя ризы и отслужилъ молебенъ Архангелу.

Въ ту же ночь воеводы наши, князь Долгорукій и Голохвастовъ, пришли во храмъ поклониться мощамъ Сергія и Никона, и повели свои полки на вылазку. Ночь была темная, шли наши разными путями, и при трехкратномъ ударѣ осаднаго колокола напали дружно на непріятеля. Вмѣстѣ съ воинами шли и старцы монастырскіе. Не побоялись они пуль вражескихъ, ни лютаго плѣна, и кричали среди сѣчи: „Умремъ, братія, за вѣру христіанскую“. Шелъ между ними давно уже посѣдѣлый Аѳанасій Ощеринъ. „Я былъ вынужденъ“, говорилъ онъ, „слезами кровными итти на враговъ“, и онъ пошелъ. Много поляковъ и измѣнниковъ легло отъ его руки, а самъ вынесъ онъ изъ многочисленныхъ боевъ шесть пуль въ ногахъ, и черепъ, изсѣченный саблями, но остался живъ и защищалъ до послѣдней минуты Св. Троицу. Шелъ еще съ ними глава Иванъ Ходыревъ; ударилъ онъ съ товарищами на враговъ, именуя громко Сергія, и бѣжали передъ ними испуганные враги. Шелъ еще съ ними крестьянинъ Суета. Не зналъ онъ ратнаго дѣла, не держалъ никогда оружія въ рукахъ, умѣлъ управлять лишь сохой и бороной, а не отсталъ отъ другихъ. „Умру нынѣ или славу получу“, молвилъ онъ, и помѣрился съ поляками, и многихъ сразилъ смертью. Шелъ еще съ ними и Данило Семынъ; положилъ братъ его Осипъ пятно на его честное имя, измѣнилъ Осипъ землѣ род-

ной и Св. Троицѣ, передался врагамъ, и сказалъ Данило: „Не хочу измѣнничаго имени на себѣ носить, хочу за измѣну брата своего животъ на смерть промѣнять“. Пустился онъ стрѣлой на враговъ, четырехъ убилъ и остался крѣпокъ своему слову; не снесъ буйной головы, положилъ ее за измѣну брата.

Горячъ былъ бой; многихъ изъ своихъ не досчитались защитники Сергіевой обители, но обитель была спасена; отыскали подкопъ. Двое крестьянъ удачно взорвали его, но погибли отъ взрыва. Непріятель понесъ значительный уронъ, но не дешево досталась и намъ побѣда; однако православные воины принесли за нее горячую благодарность Богу. Архимандритъ Іоасафъ приказалъ звонить до полуночи въ колокола, а самъ служилъ съ братіей соборный молебенъ у раки Сергія. Раненыхъ оказалось у насъ 66 человѣкъ, ихъ пріобщили, а 174 убитыхъ были похоронены всѣмъ соборомъ.

Много было еще схватокъ, много пролилось крови, а не теряли надежды осажденные. Но средства истощались, и горе слѣдовало за горемъ. Сильно страдали въ монастырѣ отъ недостатка дровяного запаса, и были принуждены добывать топливо изъ сосѣдней рощи, что не обходилось никогда безъ кровопролитія. Польскія роты, спрятанныя во рву у опушки, нападали на нашихъ, и защитники обители платили горькой цѣной за свою добычу. „Гдѣ рубили молодой хворостъ“, говоритъ Авраамій Палицынъ, первый повѣствователь этихъ печальныхъ дней, „тамъ подкошенъ цвѣтъ зрѣлыхъ воиновъ. Гдѣ рѣзали молодой прутъ, тамъ птицы терзаютъ человѣческій трупъ. Неблагодарный былъ торгъ: когда троицкіе люди выходили за дровами, то готовили себѣ вѣчный гробъ. Вмѣстѣ съ дровами лежатъ и человѣческія головы; дорого обходится намъ трапеза, и глядя на огонь своего очага, сынъ восклицаетъ: „о, отецъ! зачѣмъ родилъ ты меня?

для того ли, чтобъ я насыщался твоею кровью? о, дитя мое! говорили матери, не пища моя варится, а смерть моя готовится".

Новое еще бѣдствіе постигло осажденныхъ: отъ тѣсноты, отъ недостатка пряностей и чистой воды *) появилась цынготная болѣзнь. Зимнее время и опасность, съ которою добывали топливо, еще болѣе способствовали къ ея развитію. Умирали сперва по десяти, потомъ по пятидесяти, наконецъ по сту человѣкъ въ сутки. День и ночь раздавались въ обители стонъ и рыданія.

Плакали надъ умирающими, плакали надъ покойниками, плакали надъ свѣжими могилами. Успенскій соборъ наполнился гробами; священники не успѣвали хоронить мертвыхъ, и за больными некому было ходить. „Не одна бѣда и не одно зло", говоритъ опять Авраамій, „за стѣнами мечъ, въ стѣнахъ смерть. Не зналъ никто къ чему обратиться: мертвыхъ ли погребать, охранять ли стѣны, прощаться ли съ своими возлюбленными, сражаться ли съ врагами, цѣловать ли очи родителей, закрывать ли свои очи на вѣчный покой. У кого не было кровныхъ, тѣ не отходили отъ стѣнъ, но ожидали смерти отъ непріятеля. Единый путь къ смерти! говорили они, и утѣшали себя тѣмъ, что стоятъ бодро противъ враговъ, и такими рѣчами поощряли другъ друга на смерть. Государи и братья, не родъ ли нашъ, не друзья ли наши погребаются, и намъ итти за ними; не умремъ нынѣ за правду, то погибнемъ безъ пользы, а не Бога ради".

---

*) Два колодца снабжаютъ теперь троицкихъ жителей самой чистой водой; одинъ изъ нихъ стоитъ внутри монастырской ограды, но источникъ, надъ которымъ онъ поставленъ, былъ открытъ послѣ осады, другой былъ вырытъ самимъ Сергіемъ, внѣ монастырскихъ стѣнъ. Осажденные же пили только прудовую воду.

Проходили мѣсяцы, а смертность не прекращалась; съ каждымъ днемъ пустѣли ряды нашихъ, съ каждымъ днемъ тѣснились могилы на кладбищѣ. А между тѣмъ враги ободрялись. Они влѣзали на высокія деревья, и видѣли, какъ въ монастырѣ носили мертвыхъ. Тогда они подходили къ стѣнамъ и съ громкимъ смѣхомъ и бранью вызывали на бой защитниковъ обители. Но немногіе уже откликались на зовъ. Живые походили на мертвыхъ; блѣдные, изнуренные, истощенные горемъ, они бродили какъ тѣни по церквамъ и кладбищамъ, и ждали смерти отъ заразы или отъ вражьихъ ядеръ.

Наши воеводы держали совѣтъ съ архимандритомъ и отправили въ Москву гонца съ грамотой къ келарю Троицкой обители Авраамію Палицыну. Авраамій, оставившій по себѣ вѣчную память, жилъ тогда въ Москвѣ, куда былъ вызванъ, еще до осады, по монастырскимъ дѣламъ. Онъ былъ пораженъ ужасомъ, при чтеніи грамоты, пошелъ къ царю и просилъ его послать воиновъ къ Троицѣ, но царь опасался за Москву и не рѣшался дробить послѣднихъ своихъ силъ. Авраамій получилъ отказъ, но не утратилъ надежды: онъ обратился къ царскимъ братьямъ, къ патріарху Гермогену, плакалъ, молилъ, и Гермогенъ убѣдилъ наконецъ Василія послать въ обитель 60 человѣкъ ратныхъ, и кромѣ того самъ Авраамій послалъ еще 20 монастырскихъ слугъ, которые были при немъ. Помощь была не велика, но у Троицы приняли ее съ большою радостью. Враги продолжали тѣснить нашихъ, и наши отбивали ихъ попрежнему; но зараза не совсѣмъ еще прекратилась. Такъ прошла весна и часть лѣта. 28-го іюня—день памятный въ лѣтописяхъ лавры—замѣтили необычайное движеніе у непріятеля, и полки выступили изъ своего табора. Воеводы ихъ рѣшились, наконецъ, во что бы то ни стало, овладѣть обителью, выбрали лучшіе свои полки и двинулись на нее. Послѣдніе ея защитники вышли на стѣны. Считалось ихъ

всего не болѣе двухсотъ человѣкъ; но духъ отца ихъ Сергія воспламенялъ ихъ сердца; имя его повторялось громко въ ихъ рядахъ, и они шли бодро навстрѣчу ядеръ и пуль. Они знали, что пока останется въ живыхъ единый изъ нихъ, не будетъ иноземецъ владыкой въ Св. Обители, но если вступитъ въ нее вражья нога, то не увидятъ они такого срама, и потрясутся отъ горя лишь прародительскіе камни. Тутъ приносились въ жертву послѣднія силы, послѣднія жизни, послѣдняя кровь. Между тѣмъ какъ одни шли на смерть, другіе молились въ храмѣ. Бой продолжался цѣлый день, цѣлый день горсть измученныхъ, изнуренныхъ людей, разсѣянныхъ по монастырскимъ стѣнамъ, отражала толпы враговъ, и когда наступила ночь, враги, обезсиленные, отступили со стыдомъ отъ несокрушимыхъ стѣнъ.

Но приближалось время освобожденія. Скопинъ-Шуйскій, очистивъ отъ враговъ всѣ области, занятыя ими на сѣверъ отъ Москвы, явился въ окрестностяхъ Троицкаго монастыря. Сапѣга отступилъ отъ обители, оставивъ рать подъ ея стѣнами, и удалился къ Колязину, гдѣ былъ разбитъ на голову Скопинымъ. Вторая побѣда, одержанная надъ нимъ подъ Александровымъ, заставила его возвратиться въ свой станъ. Тогда воеводы троицкіе отправили пословъ къ Скопину и просили его защиты. Онъ выслалъ къ нимъ немедленно Жеребцова во главѣ 900 воиновъ. Они подошли, не замѣченные и не тревоженные врагами. Все ожило въ обители. Благодаря подкрѣпленію свѣжихъ силъ и разумнымъ распоряженіямъ воеводъ, прекратилась окончательно болѣзнь. Новый отрядъ въ 500 человѣкъ, присланный Скопинымъ, явился опять къ Троицѣ подъ начальствомъ Валуева. 12-го января 1610 года ударили соединенными силами на поляковъ и разбили ихъ на голову. Сапѣга бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ побѣдителей свои военныя орудія и всѣ награбленныя имъ богатства. Станъ его былъ преданъ огню. Но послѣ

всѣхъ ужасовъ долгой осады троицкіе защитники не смѣли еще довѣриться вполнѣ чувству радости, и не ранѣе недѣли рѣшились отправить пословъ въ Москву съ извѣстіемъ объ освобожденіи Троицы.

Тѣмъ не ограничилось однако участіе обители въ судьбахъ Россіи. Преждевременная смерть Скопина, народнаго любимца и единственной опоры царя Василія, навлекла на нашу родину новыя бѣдствія. Василій, низверженный съ престола и постриженный силой и увезенный въ Польшу, оставилъ государство безъ наслѣдниковъ. Всѣмъ извѣстны ужасы трехлѣтняго почти междуцарствія. Келарь Авраамій, напуганный безначаліемъ и довѣряясь обѣщаніямъ польскаго царевича Владислава, былъ изъ числа пословъ, отправленныхъ въ Краковъ, съ цѣлью предложить польскому королевичу русскій престолъ, но онъ скоро убѣдился, что однѣ личныя выгоды руководили Владиславомъ и что Россія въ его рукахъ станетъ рабыней Польши, и старецъ, выпросивъ себѣ отпускъ у самого короля, возвратился въ Москву, гдѣ сталъ твердой опорой народной партіи.

Когда Пожарскій, принявъ начальство надъ нижегородскимъ ополченіемъ, не рѣшался еще выступить въ походъ, Авраамій ѣздилъ къ нему, умолялъ его не медлить и итти смѣло къ Москвѣ. Пожарскій согласился, и двинулся къ столицѣ. Онъ остановился въ лаврѣ, чтобы поклониться ея святителямъ, и Діонисій *), достойный преемникъ Іоасафа, благословилъ воинство, какъ нѣкогда Сергій, на брань за вѣру и отчизну. Авраамій пошелъ къ Москвѣ вмѣстѣ съ рат-

*) По окончаніи осады Іоасафъ удалился въ Пафнутьевъ монастырь, изъ котораго онъ былъ призванъ въ настоятели лавры. Но Сапѣга, бѣжавшій изъ-подъ Троицкихъ стѣнъ, напалъ на Пафнутьевъ монастырь, взялъ его и въ числѣ погибшихъ жертвъ стоитъ имя Іоасафа, котораго щадила такъ долго смерть въ Сергіевой обители.

никами. Здѣсь ожидала ихъ совершенная неурядица: нахальство поляковъ, своеволіе черни, схватки на улицахъ, крики, вопля и ликующіе голоса. Наши воеводы напрасно старались водворить порядокъ и спокойствіе между народомъ, никто имъ не внималъ. Наконецъ казаки, недовольные скудостію получаемой платы, отказались итти на враговъ. Авраамій ходилъ изъ стана въ станъ, умолялъ ихъ не класть пятна на русское знамя, напоминалъ имъ о бѣдствіяхъ родины, о славной защитѣ Троицкой обители. Его вдохновенныя слова, его слезы, его сѣдины подѣйствовали на мятежниковъ. Они вышли изъ своихъ лагерей, велѣли звонить въ колокола, и съ крикомъ: „Сергій! Сергій!“ бросились въ бой.

Между тѣмъ Троицкій монастырь былъ открытъ для всѣхъ, пострадавшихъ отъ ужасовъ войны. Діонисій устроилъ страннопріимные дома въ слободахъ и селахъ, принадлежащихъ обители. Братія ограничила свою трапезу овсянымъ хлѣбомъ и водою, и сберегала для раненыхъ рожь и пшеницу. „Сергій не отвергаетъ несчастныхъ“, говорили они, принимали съ любовью толпы больныхъ и сирыхъ, приходившихъ къ нимъ, и одѣляли ихъ платьемъ, бѣльемъ и деньгами. Царь Василій, не задолго до своего постриженія, довѣряясь еще надеждѣ удержаться на престолѣ, взялъ большую часть сокровищъ лавры для военныхъ издержекъ, и обитель значительно обѣднѣла. Однако братія, при извѣстіи о казацкомъ мятежѣ, не пожалѣла послѣднихъ своихъ богатствъ, чтобъ удовлетворить корыстолюбію войска, и предложила ему свои священныя ризы, но казаки не дерзнули ихъ принять.

Діонисій и Авраамій разсылали по городамъ и селамъ грамоты, въ которыхъ убѣждали жителей: „постоять за благочестіе и за отечество крѣпко и мужественно“. Они ободряли робкихъ, воспламеняли всѣхъ вѣрой и надеждой, смиряли распри, водворяли единодушіе; они страдали за Русь и съ Русью, и торжество-

вали съ нею. Когда поляки уступили наконецъ соединеннымъ усиліямъ нашего воинства, и толпы народа шли съ радостными криками за знаменами Пожарскаго, Діонисій и Авраамій вступили съ ними въ освобожденныя стѣны Кремля.

По Троицкой обители суждено было видѣть еще разъ враговъ лицомъ къ лицу. Прошло четыре года послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича на русскій престолъ, а Владиславъ не рѣшался еще отказаться отъ своихъ притязаній. Онъ вступилъ съ своимъ войскомъ въ наши предѣлы, и пошелъ на Москву. Между тѣмъ Чаплинскій, во главѣ другой арміи, шелъ къ нему на соединеніе, съ переяславской дороги, и явился подъ стѣнами Троицы, ровно чрезъ 10 лѣтъ, почти изо дня въ день послѣ того, какъ Сапѣга пустилъ первое ядро на монастырь *). Но разбитый жителями посада и слободъ, онъ удалился, сжигая окрестныя селенія. Авраамій Палицынъ и троицкіе воеводы, ожидая новаго нападенія, повелѣли предать огню уцѣлѣвшія села, чтобъ отнять всякое пристанище у непріятельскаго войска. Расчетъ былъ вѣренъ. Владиславъ, отраженный отъ Москвы, двинулся къ Троицѣ, и сдѣлалъ надлежащія распоряженія, чтобы начать приступъ ночью. Но въ монастырѣ загудѣлъ большой колоколъ, созывающій братію ко всенощной. Приняли ли поляки его звонъ за звукъ осаднаго колокола и ожидали ли они напрасно вылазки, или воспоминаніе о прежней неудачной осадѣ отняло у нихъ охоту начинать новую,—это неизвѣстно. Какъ бы то ни было, Владиславъ и его войско стояли до разсвѣта вооруженные, на своихъ коняхъ, и не рѣшались на приступъ. Черезъ три дня, королевичъ послалъ полки свои „объявиться“ троицкимъ людямъ. Полки были разбиты. Тогда воеводы

---

*) Сапѣга подошелъ къ Троицѣ 23-го сентября 1608 года, а Чаплинскій 24-го сентября 1618 года.

польскіе стали умолять Владислава не входить въ опасную борьбу, и чрезъ нѣсколько дней онъ объявилъ желаніе о мирѣ, который былъ заключенъ въ селѣ Деулинѣ, въ трехъ верстахъ отъ лавры, и Россія вздохнула наконецъ отъ долгихъ страданій.

Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а въ храмѣ Св. Троицы все еще можно видѣть слѣды вражьихъ ядеръ. Ихъ хранятъ какъ вѣчную память о томъ, какъ троицкая братья отстаивала свою святыню, и въ честь защитниковъ лавры поставленъ памятникъ въ виду самаго собора, и обнесенъ пушками, которыми они громили непріятеля. Годовщину отступленія поляковъ празднуютъ и донынѣ соборнымъ молебномъ, колокольнымъ звономъ и водосвятіемъ.

Когда враги были окончательно вытѣснены изъ Россіи, Троицкая лавра стала отстраиваться и поправляться отъ долгой осады. Съ тѣхъ поръ не подступала къ ней вражья нога

Въ 1812 году Наполеонъ думалъ однако овладѣть лаврой. Вотъ любопытный разсказъ объ этомъ, переданный намѣстнику лавры одной графиней О. Въ свою бытность въ Парижѣ она встрѣтилась съ герцогомъ де-Мортемаръ, и когда зашелъ разговоръ о 1812 годѣ, о Москвѣ, о Троицкой лаврѣ, герцогъ замѣтилъ, что онъ самъ двукратно посланъ былъ въ 1812 году съ отрядомъ къ Троицкой лаврѣ, и вотъ что разсказывалъ объ этомъ: „Я былъ тогда еще полковникомъ. Во второй половинѣ сентября призываетъ меня къ себѣ начальникъ штаба Бертье и отдаетъ приказъ Наполеона взять отрядъ, отправиться въ Троицкую лавру и захватить всѣ монастырскія сокровища. Маршалъ сказалъ, что при монастырѣ войска нѣтъ, что народъ устрашенъ успѣхами французскаго оружія, и потому овладѣть монастыремъ нѣтъ никакого труда. Получивъ приказаніе, я поспѣшилъ принять отрядъ, и въ 4 часа

вечера выѣхалъ изъ заставы по Троицкой дорогѣ. Вечеръ былъ холодный и ненастный. Проѣхавъ 10 верстъ или немного болѣе, мы сбились съ дороги. Въ отрядѣ были поляки, порядочно говорившіе по-русски. Мы брали по дорогѣ мужиковъ въ проводники, ласками и угрозами хотѣли ихъ заставить указать намъ дорогу, но рѣшительно всѣ изъ нихъ говорили, что знать не знаютъ дороги къ Троицѣ. На вопросъ, есть-ли тамъ войско, всѣ они отвѣчали: „тьма тьмущая и все казаки". Положеніе наше часъ отъ часу становилось затруднительнѣе; стало очень темно. Мѣстность была совершенно незнакома, мы могли легко попасться въ руки русскихъ, отряды которыхъ разсѣяны были по всѣмъ дорогамъ около Москвы, и сочли благоразумнымъ возвратиться въ Москву. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ разсердился, и черезъ недѣлю Бертье опять послалъ меня къ Троицѣ, усилилъ отрядъ, велѣлъ взять двѣ пушки и на другой день рано утромъ выступить изъ Москвы. Еще съ вечера, когда я вышелъ отъ маршала, замѣтилъ, что на дворѣ густой туманъ. По утру онъ чрезвычайно усилился. Когда мы выступили за заставу, туманъ до такой степени былъ силенъ, что мы другъ друга въ двухъ шагахъ не могли видѣть, и чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ гуще становился туманъ. Проѣхавъ около 15 верстъ, мы остановились, и составили совѣтъ: итти-ли далѣе, подождать-ли, когда разсѣется туманъ, или воротиться назадъ въ Москву. Всѣ единогласно рѣшили воротиться. Надобно замѣтить, что солдаты отряда были люди закаленные въ битвахъ, но тутъ напалъ на нихъ такой паническій страхъ, что всѣмъ представилось, будто ихъ въ этотъ разъ заберутъ въ плѣнъ непріятели. Туманъ продолжался цѣлый день, и на другой день утромъ мы были уже въ Москвѣ. Я съ величайшею робостью явился къ маршалу съ донесеніемъ о второмъ неудачномъ походѣ на лавру. Маршалъ пошелъ къ Наполеону и засталъ его стоящимъ у окна въ Кремлевскомъ дворцѣ; ближай-

шихъ строеній изъ дворца нельзя было видѣть по причинѣ тумана. Выслушавъ донесеніе, онъ злобно

отозвался о русскомъ климатѣ; тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ настоящее время, въ стѣнахъ лавры раздаются лишь божественное пѣніе и горячія молитвы; преподобный Сергій почиваетъ спокойно въ своей серебряной ракѣ, среди великолѣпнаго храма; изъ далекихъ-далекихъ странъ стекаются къ нему на поклоненіе нищій и богатый, простолюдинъ и вельможа, царь и крестьянинъ.

Мазингъ и Хайловъ. Систематическій сборникъ алгебраич. задачъ. М. 1889 г., ц. 1 р. 25 к.

Мельгуновъ. Первые уроки исторіи. Древній востокъ, съ 25 рисунками. М. 1895 г., ц. 1 р. 50 к.

Новый букварь. Сост. учительницами***** М. 1894 г., ц. 6 к.

Преображенскій. Руководство прямолинейной тригонометріи. Изд. 2-е. М. 1890 г., ц. 60 к.

Рощинъ. Очеркъ главнѣйшихъ практич. положеній дидактики и методики. М. 1895 г. Изд. 9-е, ц. 80 к. По опредѣленію Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв., изданіе этой книги можетъ служить руков. для женскихъ гимназій и учительскихъ семинарій.

Рыбкинъ Н. Собраніе стереометрическихъ задачъ, требующ. примѣнен. тригонометріи. Изд. 3-е. М. 1894 г., ц. 40 к.

— Прямолинейная тригонометрія. Вып. I. М. 1894 г., ц. 60 к.

Рыбкинъ Н. Вып. II. М. 1894 г., ц. 30 к.

Рязанскій. Первые уроки грамоты. М. 1888 г., ц. 7 к.

— Наставленіе къ тому, какъ давать уроки грамоты и письма. М. 1870 г., ц. 20 к.

Соковнинъ. Популярный курсъ земледѣлія для учителей сельскихъ училищъ. Изд. 3-е. М. 1884 г., ц. 1 р. 50 к.

Соковнинъ. Первое знакомство съ тѣмъ, что мы видимъ каждый день. Повѣсть для дѣтей, ц. 90 к.

— Простой способъ вѣрно измѣрить землю. 1873 г., ц. 6 к.

Соковниной. Дѣти, школа и учитель. Разсказъ для дѣтей. М. 1889 г., ц. 10 к.

— Смѣлый и безразсудный. Повѣсть для дѣтей. М., ц. 40 к.

Староградскій. Задачи на числа первой сотни. Вып. I., изд. 2-е 1883 г., ц. 15 к.

— Задачи на числа любой величины. Вып. II. изд. 2-е. М. 1883 г., ц. 20 к.

Табличка, показывающая употребленіе буквы *ѣ* и *е*. М. 1879 г., ц. 5 к.

Филитисъ. Подвижныя школьныя игры. М. 1894 г., ц. 40 к.

Хижина дяди Тома. Повѣсть для дѣтей. М. 1887 г., ц. 2 р.

Шлехендаль и Вюнше. Опредѣлитель насѣкомыхъ. М. 1895 г., ц. 2 р. 25 к.

Шингаревъ. Опытъ грамматическаго задачника. М., ц. 40 к.

Яновскій. Грамматика-прописъ. М. 1886 г., ц. 5 к.

— (приложеніе къ грамматикѣ-прописи для учащаго). М. 1885 г., ц. 10 к.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія:

Толычевой Т. Троице-Сергіевская лавра. Историческій очеркъ. М. 1896 г. Ц. 10 к.
— Митрополитъ Филиппъ. Біографическій очеркъ. М. 1896 г. Ц. 10 к.
— Село Коссино, съ 2-мя рисунками. М. 1896 года. Ц. 10 к.
— Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя, съ 3-мя портретами. М. 1896 г. Ц. 40 к.
— Разсказы старушки о двѣнадцатомъ годѣ. М. 1896 года. Ц. 30 к.
— Пріемышъ. Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву. М. 1896 г. Ц. 10 к.
— Благовѣщеніе. Повѣсть. М. 1896 г. Ц. 15 к.
— Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница, съ 2-мя рисунками. М. 1896 г. Ц. 40 к.

} Учебнымъ Комитет. Министерст. Народн. Просвѣщенія допущено для употребленія въ низшихъ училищахъ. } Учебн. Комитет. при Святѣйшемъ Синодѣ допущено въ ученич. библ. духовн. семин. мужскихъ и женскихъ епарх. училищъ.

— Бабушкино благословеніе. Повѣсть, съ 3-мя рисунками. М. 1889 г. Ц. 50 к.
— Князь Иванъ Калита — Солнечный лучъ. Повѣсть, съ 4-мя рисунками. М. 1888 г. Ц. 75 к. } Учебн. Комитет. при Свят. Синод. допущ. для ученич. библіот.
— Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе ссыльные съ портретомъ. М. 1890 г. Ц. 15 к.
Ольги Н. Коробейникъ. Три разсказ. 1. Звѣзда. 2. Арапка. 3. Пѣтушокъ-колдунъ, съ рисункомъ. М. 1896 г. Ц. 10 к. } Учебн. Комитет. Мин. Народн. Просв. одобр. для чтенія въ народныхъ училищахъ.
— Святочный разсказъ, быль, съ рисункомъ. М. 1891 г. Ц. 10 к.
Коваленской. Народные разсказы:
— 1) Баранчикъ, съ 2-мя рисунками. М. 1887 года. Ц. 10 к.
— 2) Дядя Власъ, съ 2-мя рисунками. М. 1887 г. Ц. 10 к.
— 3) Мачиха, съ 2 рисунками. М. 1887 г. Ц. 10 к.
— 4) Исаевна, съ 2 рисунками. М. 1887 г. Ц. 10 к.
— Всѣ четыре брошюры въ одной книгѣ. М. 1887 года. Ц. 40 к.

} Учебнымъ Комитет. Министерства Народнаго Просвѣщенія допущены для библіотекъ народныхъ училищъ.

Львовъ В. В. Князь. Сѣрый армякъ, или исполненное обѣщаніе. Повѣсть для дѣтей, съ 4-мя рисунками Каразина. М. 1892 г. Ц. 75 к. } Учебн. Комитет. при Святѣйш. Син. допущ. къ пріоб. въ ученич. библ. дух. училищъ.
Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Повѣсть для дѣтей, съ раскрашенными картинами, въ красивой папкѣ. М. 1887 г. Ц. 2 р.
Умъ животныхъ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, крупной печати, съ рисунками, изданіе 3-е. М. 1887 г. Ц. 90 к.
— То-же въ красивой папкѣ. Ц. 1 р.
Ярославскій К. Какъ Петруха разбогатѣлъ. М. 1892 г. Ц. 10 к.

2007081091